

Актриса Ольга КАБО: «Период экстрима у меня закончился»

Ольга Егошина

Недавно традиционную летучку «Новых Известий» посетила известная актриса театра и кино Ольга КАБО. Планировали поговорить с Ольгой о прессе и отношениях актерского цеха со СМИ, но разговор в результате получился намного шире и откровеннее. Ольга ответила, почему она не идет в политику и кто из женщин во власти вызывает у нее симпатии. Рассказала, как проходила курс тренировок в Центре подготовки космонавтов и почему отказывается от услуг каскадеров, самостоятельно делая перед камерой головокружительные трюки. Наконец, призналась, за что преподаватели МГУ ставили ей «пятерки» и что связывает фамилию Кабо с Японией и далекими островами у берегов Африки.

– Как женщина, которая всегда на виду, вам, наверное, приходилось страдать от нашего брата-журналиста. У вас сейчас прекрасная возможность высказать все, что думаете о прессе. Кстати, вам никогда не хотелось как-то среагировать на обидные статьи? Подать в суд, например?

– Вы не то издание, которому можно высказывать свое «фи». А что касается так называемых «желтых» изданий... Есть русская поговорка: не надо метать бисер перед свиньями. Я уже приучилась не реагировать на то, что пишут. Был момент, когда я очень обижалась и расстраивалась, но понимала, что подать в суд – это только напрасная трата нервов, денег, времени. Никакого результата не будет. Я просто с журналистами из таких изданий не общаюсь.

– Когда вы читаете газеты, смотрите телевизор, на что особенно обращаете внимание?

– Читаю о личностях и по телевизору люблю смотреть передачи о людях, которые мне интересны. Люблю новости культуры: что происходит в театре, в кино, кто чем занят, что делают мои коллеги. Хотя дома включаю телевизор редко.

Окончание на стр. 18

КАБО
Новые Известия - 17 марта - с. 1, 18.

«Период экстрима у меня закончился»

Окончание. Начало на стр. 1

Мне так не хватает тишины в душе и в жизни, что когда я прихожу домой, то предпочитаю тихое общение со своими близкими. Вне семьи у меня настолько бурная жизнь целый день и такое количество людей вокруг меня, что не хватает какого-то одиночества и спокойствия: побыть самой собой и остановиться на секундочку. Потому что ритм, в котором я живу, настолько опережает мои возможности, что иногда кажется: я все время сама себя догоняю.

— Существует такое распространенное мнение, что творческие люди аполитичны...

— Это про меня!

— Но ведь в политических событиях часто содержится мощный эмоциональный заряд. Неужели не происходит в мире событий, которые бы вас «цепляли»?

— Наша жизнь настолько агрессивна, что я стараюсь себя оградить от этой негативной энергии. Конечно, я знаю, что происходит в мире, от реальной жизни нельзя спрятаться и закрыться совсем. Но я стараюсь не впускать в себя негатив. А что касается эмоционального заряда... Во мне самой столько энергии, что я могу кого угодно подзарядить. Иногда ловлю себя на том, что, когда просто иду по улице, никуда не спеша, всех обгоняю. Я не могу спокойно идти и смотреть по сторонам. Такое впечатление, что у меня внутри «пламенный мотор». Аполитичность — это форма защиты. Я воспринимаю политические события как данность. Главные для меня события внутри меня, а не вовне.

— Как вы относитесь к коллегам по цеху, которые идут в политику?

— Я просто считаю, что каждый должен быть профессионалом в деле, которым он занимается. Если актер может стать профессиональным

политиком — почему бы и нет? Если он только бездарно играет в политику, то лучше заниматься своей профессией.

— Как вы относитесь к женщинам-политикам? Какой тип вам ближе? Слишка — один тип, Хакамада — другой тип, Матвиенко — третий тип.

— Скорее, принцесса Диана. Но она не была политиком. Она была просто мудрой женщиной. Или Жаклин Кеннеди. У меня планка требовательности очень высокая.

— А в комсомоле вы состояли?

— Да, я была активисткой — и октябренок, и пионером, и председателем совета отряда. И даже во ВГИКе — комсоргом курса. Но тогда жизнь была другая. Общество было другое. В школе прививали это стремление к лидерству. Моя дочка училась в классическом пансионе при МГУ. Там был лозунг: «Из нашего пансиона выйдет будущий президент России!» Вот это воспитание веры в себя было очень сильно, когда я училась. Я вообще ощущаю ностальгию по тем временам. Сейчас веры нет, и никто не знает, куда, с кем, ради чего. Если нет «своего остротка», тебя могут просто разорвать на части.

— Вы преуспевающая актриса, но почему-то пошли получать второе образование в МГУ, на отделение истории искусства. Зачем?

— Я ожидала рождения ребенка, ушла из театра, из кино. Но физически я не могу ничего не делать. Я подумала, что у меня большие пробелы в образовании. Ведь с пятнадцати лет я начала работать, и, когда приходила на экзамены по творческому дисциплинам, педагоги часто, увидев меня в первый раз, спрашивали: «А, так это вы Кабо?» — и ставили заслуженную «пятерку». Ряд предметов вообще прошли мимо меня из-за моего постоянного отсутствия. Так вот, когда появилось время

(я два с половиной года была с дочкой плюс девять месяцев до...), я занялась всерьез учебой. Ведь говорят, что беременная женщина должна смотреть на прекрасное и наслаждаться им: я ходила в музеи, много путешествовала, собрала библиотеку по искусству.

— В МГУ зачеты тоже ставили «за имя»?

— Нет! Когда я приходила на экзамен, то вызубривала все от и до. Педагоги, надо сказать, относились ко мне предвзято: ага, актриса, вам-то зачем история искусств? Так что я пыталась переменить их отношение к представительницам моей профессии.

— А когда вы пришли в Центр подготовки космонавтов, на вас не смотрели с вопросом: «Зачем вам?»?

— Смотрели с нескрываемым уважением и обожанием! Это был очень необычный проект Юрия Кары по произведениям Чингиза Айтматова. Съемки должны были проходить в настоящем космосе! Потому все актеры вместо кинопроб проходили испытания в Центре реабилитации космонавтов. Главное для врачей было убедиться — выдержит ли организм актера предполагаемые перегрузки, которые неминуемы в космическом пространстве. Поэтому все испытания были специфическими. Нас подвешивали вниз головой, меняя угол наклона, мы тренировались на тренажерах, должны были выдержать «центрифугу»: в специальном кресле тебя раскручивают очень медленно в разные стороны, проверяя вестибулярный аппарат. А я с детства любила аттракционы, мне это очень помогло! А еще были испытания с силой тяжести. Меня облепили различными датчиками и приборами. А задание было «простое»: отвечать на вопросы, нажимая кнопки «да» и «нет». Правой рукой при положительном ответе, левой — при отрицательном. Я удивилась, почему нельзя просто сказать «да» или «нет». Врачи лишь усмехнулись, но объяснять ничего не стали. Капсула разгоняется, и впечатление такое, что у тебя на груди лежат два грузовика: ни сказать, ни вздохнуть! В глазок камеры, направленной на меня, я увидела свое расплывшееся лицо и ужаснулась: из носа, глаз, рта текли слюны, слезы, слюны... Я с трудом могла понять, где левая, где правая рука. Каждое испытание все интереснее, необычнее и сложнее. Я горжусь тем, что все выдержала и осталась единственной женщиной-актрисой, которую утвердили для полета в космос. Жаль, что не полетела — станцию «Мир» не вовремя разрушили!

— Ваше стремление все делать самой даже в России выглядит удивительно. Как к вашим каскадерским привычкам относились на съемках в Америке?

— Наш учитель Сергей Бондарчук уверял, что актер должен быть «синтетическим» и никогда не произносить слово «нет». Если я чего-то не умела, училась у настоящих каскадеров. Они со мной с удовольствием занимались. Как-то я снималась в американской картине «Похороны крыс», где играла резко отрицательную роль вампира-лесбиянки. Там была очень красивая сцена фехтования. Американская актриса заявила, что актриса — не каскадер, и вместо нее дралась профессиональная девочка-каскадерша. А мне так нравилось фехтовать! Да и монтаж потом все сделает так, будто я родилась со шпагой в руках! Так что рассказы о моих каскадерских подвигах сильно преувеличены, я отношусь к ним с юмором, но все-таки несколькими трюками горжусь. Это и падение с лошади, и бой на мечах в «Крестномоще». Мой меч весил килограммов десять, да еще шестикилограммовая кольчуга. Снимались в Турции, в жаре, — это было настоящее испытание. И, наконец, прыжок с 15-метровой высоты вместе с Александром Иншаковым.

Ольга КАБО — заслуженная артистка России, известная по фильмам «Миллион в брачной корзине», «Шутки в сторону», «Квентин Дорвард», «Две стрелы», «Рыцарский замок», «Крестомощ», «Итальянский контракт», «Комедия о Лисистрате», «Убийство в Саншайн Менор», «Умирать страшно», «Юность Бемби», «Бесы», «Двадцать лет спустя», «Бегущий по льду» (США), «Похороны крыс» (США). Родилась 28 января 1968 года в Москве. В 1989 году окончила ВГИК. Также окончила Московский университет по специальности искусствоведение. С 1992 года актриса Центрального академического театра Российской армии и Театра современной оперы под руководством Алексея Рыбникова. С 2002 года актриса Театра имени Моссовета. На ее счету — более 50 ролей в кино и сериалах.

— На коробки падали?

— Да, на коробки. Первый дубль дался легко, просто не знала, что меня ждет. А вот второй раз прыгать было очень страшно! Вообще, я рада, что все осталось в прошлом. Теперь могу сказать, что период экстрима у меня закончился, хотя не зарекаюсь...

— Вы как-то обмолвились, что сейчас наступил век женщин. Что вы имеете в виду?

— То, что сейчас, как никогда, женщина может самореализоваться и доказать, что она — личность. Очень долго считалось, что она должна быть лишь «женой своего мужа». А я уверена, что счастье и профессия неразделимы. Надо уметь строить свою жизнь, правильно распоряжаться своим временем, чтобы все успеть. Уметь беречь себя. И идти вперед.

— У вас есть дочь, она тоже входит в жизнь. Как ее оградить от окружающего мира?

— Сейчас век акселерации. Дети не только растут высокими, они и взрослеют рано. Моей дочери семь лет, но она рассуждает не как семилетний ребенок и часто ставит меня в тупик своими вопросами. Мы общаемся на равных. Со мной в детстве тоже не сюсюкались. Оградить от реальных проблем человека невозможно, но научить разбираться, что хорошо, а что плохо, необходимо. Она любит общаться на «взрослые» темы, любит со мной бывать

на работе. Я беру ее с собой в театр, на съемки. После того как она снялась в фильме, побывала на съемочной площадке сама, стала меньше плакать, когда я ухожу. Дети ведь плачут оттого, что родители уходят в не известный им мир. А она теперь знает, где я и чем занимаюсь. Когда возвращаюсь, спрашивает: «Сколько дублей сделала?» Или: «Режиссер в тебе не разочаровался?» Смешно...

— Вы не боитесь, что, пойдя по вашим стопам, унаследовав вашу фамилию, она может испытать определенный дискомфорт?

— У Тани фамилия отца. А быть Кабо-младшей — это действительно трудно. Неизбежны сравнения. И вообще, это большая ответственность и для меня, и для нее.

— Фамилия Кабо довольно редкая...

— При этом очень интернациональная! Меня в любой стране принимают за свою. Может, Кабо — это от японцев, как Кобо Абэ. Или от венгров, как Иштван Кабо. А может, я с островного государства Кабо-Верде? А может, у меня грузинская кровь? Когда я работала в Южной Корее, было ощущение, что я ассиимирировалась с местным населением, даже глаза стали более раскосыми. Ольга Кабо — это даже не имя и фамилия. Это, как говорят мои друзья, бренд, полюбившийся зрителям.

АНАТОЛИЙ МОРИНОВИЧ